

Каллен вяло смотрела на чистый участок белой стены рядом с кроватью брата. Она не могла перестать видеть лицо этого человека. Этот проклятый британский коп. Этот безжалостный убийца... зияющая рана в горле и кровь.

Она не могла перестать слышать это ужасное бульканье "почему?".

Почему?

Он была так сбита с толку. Так шокирован. Как будто его изумляло, что кто-нибудь когда-нибудь поднимет на него руку, не говоря уже о том, чтобы его убить.

Почему?

Он смотрел на нее. Даже когда свет погас из его глаз и она была достаточно уверена, что он более или менее мертв, он все равно смотрел на нее. Он все еще смотрел на нее - темными и безжизненными глазами в ее мысленном взоре.

Она почувствовала, как кровать рядом с ней немного сдвинулась, когда кто-то сел, но она не двинулась с места. Вместо этого она пристальнее смотрела на чистую белую поверхность перед собой, надеясь, что если она будет достаточно сильно сосредоточиться, ее разум станет таким же пустым. Пока это не сработало, но она решила все забыть. Чтобы забыть этого человека. Чтобы забыть его жестокость. Чтобы забыть его изумление. Ибо забыть ощущение его крови, окрашивающей ее руки - насколько она липкая - о том, сколько времени ей потребовалось, чтобы стереть все это, пока ее руки не стали сытыми и ноющими.

"...Каллен."

Это снова был Наото.

Она сильнее сосредоточилась на стене, желая, чтобы лицо мужчины исчезло. И все же он упорствовал.

"Довольно, Каллен. Прошло два дня". - мягко сказал Наото, затащив ее на спину, чтобы хотя бы посмотреть на нее.

Она отвела взгляд. Она не знала почему, но смотреть брату в глаза прямо сейчас казалось невыполнимой задачей. Она думала, что - возможно - ей было стыдно за то, что она сделала. Она могла вывести его из строя. Это было в ее силах, но вместо этого она пошла на убийство.

Еще несколько минут воцарилась тишина, пока они сидели вместе, Наото пристально смотрел ей в лицо, а она решительно избегала смотреть на него.

"Я горжусь тобой, понимаешь?" - сказал он наконец.

"Для чего?" - мрачно спросила она, ее любопытство было достаточно, чтобы ответить.

"За защиту этих людей". Он ответил. "Это, конечно, не то, что я хотел для вас. В идеальном мире вы бы никогда не оказались в такой ситуации. Но я горжусь тем, что вы поставили этих людей выше всего остального. Я горжусь вами за то, что вы не колеблясь, за то, что они были готовы сделать даже ... это, чтобы спасти их ". Он обошел проблему в последний момент.

"Я не думала". Она пробормотала, хотя втайне была довольна его похвалой. Он гордился ею. Наото гордился тем, что она стояла между невинными гражданами и почти верной смертью.

Он вздохнул и откинулся на спинку изголовья, скрестив руки на груди, и осмотрел место на стене, в котором ее глаза почти просверлили дыру за последние два дня. "Вот в чем дело, понимаете? О защите людей. Дело не столько в мести или национальной гордости. Британцам все равно, кого они обидят, и пока все будет так, я буду бороться с ними. нам нужен повод для борьбы. До тех пор, пока они будут небрежно относиться к жизни японцев, у меня будет причина ".

"Вы имеете в виду, что если бы британцы были милыми и милыми с нами, вы бы не сопротивлялись?" - потребовала ответа Каллен, и жизнь наконец вернулась в ее глаза после сорока восьми часов отсутствия. "Вы бы просто сидели сложа руки и позволили им забрать у нас все?"

Наото пожал плечами. "Я борюсь за тебя, Каллен. За тебя и маму. Однажды мне не придется бояться того, что случится, если кто-нибудь в твоей школе когда-нибудь узнает, что ты наполовину японец. в гетто. Однажды мы вырвем маму из-под пятки той британской женщины, и мы все снова будем жить вместе - жить комфортно - как и должно было быть с самого начала. Если Британия могла пообещать мне все эти вещи, они " у меня, наверное, на одного врага меньше.

"Но Британия не может пообещать мне, что они защитят вас. Империя жестока и коррумпирована до самой своей сути. Они процветают за счет насилия, подавления тех, кто слабее их самих, и бездумной резни небританских масс. Итак, по порядку Чтобы защитить тебя и всех остальных, Британия поднимает руку, я буду сражаться с ними всем, что у меня есть. Видишь, это о защите людей. Как ты защищала ту женщину и ее мальчика ".

"Хм . . ." Она хмыкнула, и эта, казалось бы, бескорыстная реакция диаметрально противоположна ее собственным мыслительным процессам. Наото никогда раньше не был так откровенен. Он не был из тех парней, которые садятся и говорят о своих чувствах и мыслях. Наото не относился к типу "чувствительных" парней. Обычно он был сильным, твердым, склонным к спорам. Но его объяснение прояснило для нее пару вещей. "Вот почему ты не позволишь мне присоединиться. Потому что я хочу отомстить".

Наото тихонько усмехнулся и поправив волосы. "Может быть, это потому, что я не хочу, чтобы

ты в опасности?" Сказал он, закатывая глаза.

"Я всегда в опасности, Наото. Как ты сказал, никогда не знаешь, что эти британцы сделают со мной, если узнают, что я наполовину японка". Она прерывисто поддразнила, чувствуя, что удушающий вес, который давил на нее с тех пор, как убил этого человека, немного приподнялся. "Школьные учебники разлетаются в разные стороны, конный клуб верхом на мне верхом, клуб кендо начинает полную атаку. Полная анархия".

"Не забывай смертельные сплетни". - указал Наото.

"Да, как я мог забыть об этом". Она вздохнула.

Ее брат грустно улыбнулся, возвращая тему к более серьезным вопросам. "Я позабочусь о тебе, Каллен. Не волнуйся ни о чем. Я взял Охи и Тамаки с собой прошлой ночью, когда ты спала, и позаботился о теле. Его не найдут очень долго, если Когда-либо.

"Спасибо..." Она тихо пробормотала.

"Тебе не нужно благодарить меня. Но все же, даже с учетом скрытых улик, я не думаю, что тебя следует какое-то время видеть в гетто. Кто-то мог видеть, как ты возвращаешься сюда, или мы могли что-то упустить. на уборке. Так что я хочу, чтобы ты на некоторое время осталась дома".

Она нахмурилась, та же легкая вспышка гнева снова зажгла ее сердце - как всегда, - когда он назвал это место этим именем. "Перестань называть это так".

"Чего?"

"Дом." Она впиалась взглядом. "Штадтфельдов нет дома. Это", - сказала она, показывая на его квартиру. "Дом для меня. С тобой и остальным сопротивлением. Не эта чучела и сучка".

Наото улыбнулся, и его глаза смягчились. "Вот почему ты всегда в таком плохом настроении, когда я отправляю тебя обратно в город". Он поддразнил. "Хорошо, но я все же считаю, что тебе следует ненадолго вернуться в Штадтфельд. Ты можешь вернуться домой, когда все это утихнет. И... если хочешь, можешь переехать в запасную спальню".

Ее глаза расширились от шока. Она умоляла Наото принять ее с четырнадцати лет. Она терпеть не могла находиться в доме Штадтфельта. Она ненавидела там ходить на цыпочках вокруг мачехи. Придется увидеть, какой жалкой стала ее настоящая мать. А теперь ее брат предлагал ей побег, которого она так отчаянно жаждала в течение трех лет.

"Действительно?" Она спросила. Если это была какая-то дурацкий розыгрыш, она собиралась надрать ему задницу на следующей неделе.

Наото ухмыльнулся. "Ну, а каким же я был бы братом, если бы выгнал свою сестренку из ее дома?"

"Я знала, что ты был просто большим мягкотелым под этой жесткой внешностью". Она ухмыльнулась в ответ.

"Давай, Ширли! Надень синюю". - настаивала Милли, размахивая яркой шелковой одеждой перед лицом подруги.

"Но мне понравился красный". Ширли надулась, указывая на стойку позади президента школьного совета.

"Нет. Это для Нины. Кроме того, это не идет с твоими волосами". - сказала Милли, обернувшись, чтобы взглянуть на маленькую девочку, которая все еще была прикована к своему компьютеру. "Нина, давай, надень это".

"Не думаю, что буду участвовать..." Нина ответила мягко.

Дальнейший аргумент был прерван, когда Риваль внезапно ворвался в комнату, одетый как самурай - с завязанным на вершине узлом - с дешевым мечом, который он купил в магазине новинок. "Ха, это здорово. Фестиваль Старой Японии, несомненно, станет большим хитом, мадам Президент!" Он усмехнулся, дико размахивая мечом.

"Риваль! Ты собираешься выколоть кому-нибудь глаз!" - воскликнула Ширли, едва успев увернуться от тупого острия меча.

"Нина! Ширли! Вы обе прямо сейчас наденете эти кимоно". - приказала Милли. "У нас много работы, чтобы этот фестиваль проходил гладко, и мне понадобится ваша помощь".

"Да, мэм!" - сказала Ширли с оптимистичным приветствием, когда начала собирать голубое кимоно, которое ей дали.

Нина не двинулась с места.

"Что, Нина? Не говори мне, что ты никогда не хотела надеть такое? Они такие красивые. Я даже завяжу для тебя узел. Я распечатала несколько инструкций для него в Интернете". - уговорила Милли.

"Нет, я просто не чувствую, что ..."

"Эй, это Лулу!" - воскликнула Ширли, и снова Нина была благословлена освобождением от центра внимания.

На телевизоре, который работал на заднем плане, Лелуш стоял за трибуной, расставленной микрофонами, рядом с маленькой блондинкой. Толпа репортеров перед трибуной в данный момент хранила блаженное молчание, если не считать быстрого отрывистого открывания и закрывания жалюзи.

"С большим удовольствием я, Лелуш ви Британия, хочу объявить о своей помолвке с леди Эбигейл Чепмен". - спокойно и четко произнес Лелуш в микрофон перед собой, с легкой улыбкой на губах, когда он взял женщину за руку и поднял ее, чтобы репортеры могли увидеть массивное кольцо, украшавшее ее левую руку.

"Какого?" - вскрикнула Ширли. "Как долго он ее знает? Он не может жениться! Он просто не может!"

"Он определенно не выглядит довольным". - пробормотал Риваль, осматривая своего лучшего друга по телевизору.

Милли пришлось согласиться. Все знали эту улыбку. Это была озлобленная улыбка Лелуша. Тот, который он использовал, когда его толкнули слишком далеко, но он не хотел взорваться на них, потому что Наннелли был поблизости и мог расстроиться. Это была его улыбка "с меня хватит, черт возьми". Его улыбка "держи это в ногу со мной, и я сделаю все, чтобы ты пожалел об этом".

"Брак по расчету". Милли нахмурилась.

"Что мы будем делать?" - потребовала ответа Ширли. "Мы должны как-то это остановить!"

Милли критически приподняла бровь. "Что мы собираемся делать? Что, вы хотите, чтобы мы полетели к Пендрагону и похитили его или что-то в этом роде?"

"Бежать туда с обнаженными мечами!" - поддразнил Риваль, драматично размахивая мечом. "И потребовать, чтобы Император и невеста Лелуша выдали его. Или иначе". Он слегка ткнул Ширли в руку кончиком своего меча.

"Я серьезно, ребята! Мы не можем просто позволить им ... Я имею в виду, он никогда не мог быть доволен ... Это несправедливо для него оказаться в такой ситуации". - запротестовала Ширли.

Милли грустно улыбнулась и скрестила руки на груди. "Слушайте, все вы, - твердо сказала она, - Лелуш понимал, что это возможно. Он был готов на все, чтобы защитить определенного человека, о котором нам больше не разрешается говорить. ведьма - это небольшая цена, учитывая, что он наполовину ожидал казни. И мы все должны понимать, что мы больше ничего не можем для него сделать. Он, попросту говоря, вне нашей досягаемости. И в любом случае он сейчас у него есть люди гораздо более компетентные, чем пара старшеклассников, чтобы выполнять его приказы. Если бы Лелуш отчаянно пытался разорвать брак, он бы разорвал его.

Мы все знаем, что он собой представляет. свадьба, то все, что он говорит нам, это то, что он готов заплатить эту цену ".

"Но . . ." Ширли жалобно запротестовала. "Лулу заслуживает счастья".

"Да, но жизнь несправедлива". - сказал Риваль, успокаивающе улыбнувшись Ширли. "Не у всех есть шанс на счастье". Он украдкой взглянул на Милли, прежде чем вернуться к телевизору, чтобы просмотреть оставшуюся часть выступления Лелуша. По правде говоря, он скучал по Лелушу. Он скучал по тому, с кем можно было попасть в неприятности. Он скучал по азартным играм. Ему не хватало невероятной удачи и безупречной логики своего лучшего друга. И даже если он все еще не мог общаться с Лелушем, он все равно хотел посмотреть, что Лелуш сказал по телевизору. На данный момент достаточно было просто знать, что он все еще жив и здоров. Он найдет способ восстановить контакт достаточно скоро.

Для него было шоком, когда он обнаружил мобильный телефон и бумажник Лелуша в коляске своего мотоцикла на следующий день после того, как Лелуш был схвачен. Было больно. Этот телефон был единственным средством связи Студенческого совета с Лелушем, и то, что он так внезапно и безжалостно оборвал его, сначала разозлил его. Ему не нравилось, когда его просто отвергали. Но это было только до тех пор, пока он по-настоящему не подумал об этом и не попытался взглянуть на вещи с точки зрения Лелуша.

В этом телефоне был номер Наннелли. Как и Сайоко и остальные члены студенческого совета. Он пытался их защитить. Очередной раз. Похоже, Лелуш всегда пытался кого-то защитить. Даже когда ему следует больше сосредоточиться на попытках спастись. Также в бумажнике было несколько фотографий Наннелли. Риваль спрятал их на дне коробки с мусором в своем шкафу. Если Лелуш когда-нибудь вернется, он был уверен, что они понадобятся Лелушу. Или, по крайней мере, были бы рады узнать, что они в безопасности.

По телевидению Лелуш и его новая невеста отвечали на вопросы журналистов. Вопросы варьируются от глупых до скандальных - от того, где было куплено кольцо, до того, как, по его мнению, Милли восприняла эту шокирующую новость. Риваль взглянул на президента школьного совета и чуть не усмехнулся. Похоже, она довольно хорошо восприняла новости. В любом случае, намного лучше, чем была Ширли. Спортсменка/ секретарь студенческого совета рухнула на стул и печально смотрела в телевизор.

"Принц Лелуш, с момента вашего повторного появления вы не хотели, чтобы вас видели в средствах массовой информации, и с момента вашего объявления с принцем Кловиса вы не делали никаких публичных заявлений. Есть ли причина для вашего уклонения от прессы?" - спросил один репортер.

Лелуш уверенно ухмыльнулся. "Вовсе нет. Я просто жажду уединения. Следующий вопрос".

Тот же репортер снова поднял ей руку, и Лелуш махнул ей, чтобы она продолжала. Вероятно, намереваясь полностью убрать ее с дороги, прежде чем перейти к следующему репортеру.

"Не хотите ли вы рассказать миру, где вы были последние семь лет, ваше высочество? Поступали сообщения о том, что вы были убиты во время вторжения в Зону одиннадцать. Очевидно, эти сообщения были ложными".

Не теряя ни секунды, Лелуш спокойно солгал. "Изначально меня отправили в Зону Одиннадцать, чтобы меня опекали в неизвестности. Этот опыт дал мне уникальный взгляд на жизнь простых людей, к которому мои братья и сестры не могут иметь отношения. Возвращение на родину после вторжения лишило бы меня смысла. в первую очередь иду в Зону Одиннадцать ".

"И что за точка была?"

"Чтобы научить меня смирению".

Милли усмехнулась. "Держу пари, что Император просто прыгает от радости".

"Ты не должна так говорить". - нервно сказала Нина, оглядываясь вокруг, как будто боялась, что сам Император выскочит из кладовой и обвинит их в измене.

Милли пожала плечами и вернулась к телевизору.

- А как насчет вашей сестры, ваше высочество. Принцесса Наннелли с вами на вилле Аирис? - спросил другой репортер.

Фальшивая улыбка мгновенно исчезла с лица Лелуша, и его глаза стали холодными и смертоносными. "Моя сестра мертва. Она погибла во время вторжения в Зону Одиннадцать".

Может быть, это заявление удовлетворило любопытство репортера, или, может быть, это был вид обещанного возмездия, если они продолжат этот вопрос, но репортеры внезапно изменили тактику и вместо этого сосредоточили свое внимание на леди Чепмен.

Женщина была харизматична, двух мнений не было. С того момента, как она открыла рот, ее палец накрыли прессом. Она очаровательно улыбалась, когда рассказывала подробный рассказ о том, как она впервые встретила Лелуша и как они поддерживали связь в течение последних трех лет с помощью электронных писем и писем. Это походило на сюжет из глупого любовного фильма, но никто не хотел слышать о тонкостях деловой сделки, которая должна была привести к их браку. Художественная литература была гораздо более удобной для прессы.

Студенческий совет, однако, никогда не отвлекался от Лелуша, который, казалось, изо всех сил старался сохранять бесстрастное лицо, пока его невеста болтала.

"Он выглядит усталым". - мягко сказала Ширли, не отрывая глаз от экрана.

"Вероятно, он не выспался прошлой ночью". - рассеянно сказала Нина, столь же замороженная изображением Лелуша на телеэкране. Даже сейчас казалось нереальным, что Лелуш был Принцем императорской семьи. Лелуш был добродушным, добросердечным бездельником, который мог рассчитать бюджет деятельности клуба, даже не взглянув на калькулятор. Лелуш был тем парнем, который позволил Милли заставить его надеть нелепые костюмы ради удовольствия других. Парень, который позволял им затаскивать его на всевозможные фестивали и мероприятия. Парень, который позволил им использовать его в качестве координационного центра или приза. Парень, у которого всегда был хороший совет, о чем бы он ни говорил. Парень, который сделает для своих друзей абсолютно все. А теперь он был еще и тем парнем, который жил во дворце и делал общенациональные объявления по телевидению.

"Почему ты это сказала?" - поинтересовалась Милли.

"Наверное, были проблемы после убийцы", - резко оборвала Нина. Она не собиралась ничего говорить о том, что произошло прошлой ночью на вилле Эйриес.

"Убийца?" - пищал Риваль.

"Вы следили за Лелушем, не сказав нам?" - потребовала Милли.

В самом деле, она внимательно следила за инцидентами, связанными с Лелушем. Одна из первых вещей, которые она сделала после получения стипендии от Фонда Мориса, - это еще раз незаметно взломать базу данных британской полиции и внедрить шпионское программное обеспечение, которое будет предупреждать ее всякий раз, когда полиция упоминает Лелуша. Это была мера безопасности, которая успокоила ее. Если бы полиция когда-либо выступила против Лелуша - она настроила бы ее, чтобы уведомить ее, если бы она или стипендия Фонда Мориса когда-либо упоминались - о стипендии, по крайней мере, у нее было бы достаточно справедливого предупреждения, чтобы либо скрыть доказательства, либо уничтожить их.

Но она не хотела, чтобы остальная часть школьного совета знала что-либо о стипендии, не говоря уже об участии Лелуша в обеспечении ее для нее. Она открыла рот, отрицая обвинение, когда Милли внезапно широко улыбнулась.

"Трепет, Нина, это так мило! Вы, должно быть, действительно волновались за него. Похоже, у вас может быть еще больше суперниц, Ширли!" - лукаво сказала Милли, заставив Нину ужасно покраснеть и саркастически отвергнуть ее, - прежде чем лицо Милли внезапно снова стало серьезным. "Что случилось прошлой ночью? Был убийца?" Президент поджарился.

Нина сжалась, чувствуя себя неловко под пристальным вниманием остальных членов совета. "Э-э, человек ворвался и убил одного из охранников Лелуша. Лелуш приказал казнить его после того, как они поймали его".

"Какого?" - вскрикнула Ширли. "Кто-то пытался убить Лулу?"

Нина вздохнула. Она не собиралась выбраться из этого без полного объяснения.

Лелуш сидел напротив Шнайзеля, его лицо было приучено к идеальному нейтралитету, когда он рассматривал фигурки, разложенные по доске перед ним. После его возвращения в Пендрагон это стало почти ритуалом. Он приходил к Шнайзелю около восьми часов, и они играли в шахматы. Это помогало им расслабиться после дня - помогло им сосредоточить свои мысли и не дать им бодрствовать все часы ночного замысла и интриг.

Да, его лицо было совершенно нейтральным, но внутри он все еще кипел. Смелость его брата безжалостно послать убийцу за одним из его людей все еще шокировала его. Он не мог понять, как кто-то добрался до этой точки - точки, когда человеческая жизнь больше не имела значения для достижения своих целей. Когда человечество перестало иметь значение? Когда Шнайцель пересек эту черту?

Конечно, он знал. Он знал, что его брат может быть безжалостным и коварным, но никогда не думал, что он и его люди станут жертвами этих методов. По крайней мере, с тех пор, как они заключили союз.

"Ты мой брат, Лелуш. Если ты спрашиваешь, удалил ли я тебя, ты очень ошибаешься, когда думаешь, что знаешь меня. Я бы никогда не сделал с тобой ничего подобного".

Он не так быстро поверит подобным ложным обещаниям в будущем. Конечно, убийца технически не преследовал его, но для него нападение на его дом было нападением на него самого.

На самом деле он хотел бы прямо сейчас разорвать отношения со Шнайцелем. То, что он сделал, было непростительно. Но Лелуш был достаточно прагматичным, чтобы понимать, что сейчас это невозможно. Он слишком много знал о планах Шнайцеля. Вместо этого было гораздо безопаснее пристально следить за Шнайцелем.

Вот почему он был там - играл в шахматы - в шоу, которое он был готов забыть, по крайней мере, если не простить.

Он переместил своего коня на позицию. Если Шнайцель клюнет наживку, он сможет поймать Королеву брата за два хода. К его легкому удивлению, тактика действительно сработала. Возможно, возвращение к основам и обучение Эдит игре было для него полезной А может, Шнайцель просто отвлекся. Брат украдкой бросал на него взгляды, конечно, не ускользнуло от Лелуша.

Без сомнения, Шнайцель интересовался, что задумал Лелуш.

По правде говоря, Лелуш ничего не планировал. Скорее всего, он не планировал ничего, кроме похорон Тони Капуто, двадцатилетнего, недавно вышедшего замуж охранника, который погиб, пытаясь защитить поместье.

Он вызвался сообщить плохие новости его жене и встретился с миссис Капуто этим утром. В конце концов, это его вина, что ее муж умер. Необходимость смотреть, как женщина рассыпается в рыдании, и знать, что он был ответственным за создание ситуации, которая привела к смерти ее мужа, была частью его покаяния. Это подкрепило его обещание тщательно обдумать каждую ситуацию, прежде чем реагировать.

"Я хочу, чтобы ты пошел на похороны". - спокойно сказал Лелуш, нарушив традицию поддерживать беседу посреди игры.

"Похороны?" Шнайцель вопросительно приподнял бровь, его рука наполовину потянулась к Пешке.

"Ваш убийца убил одного из моих охранников". Он ответил холодно.

"Понятно. Вот почему ты так на меня злишься". Шнайцель вздохнул, толкая Пешку кончиком пальца.

"Нет. Я злюсь на тебя, потому что ты послал убийцу в мой дом". - сплюнул Лелуш, крепко сжав пальцы над головой ладьи. "Я хочу, чтобы ты взял на себя ответственность. Я хочу, чтобы ты увидел, что ты сделал. Ты тот, кто послал этого человека за Эдит. Ты тот, кто санкционировал убийство моего охранника. Я хочу, чтобы ты стал свидетелем того, что ты сделал с его семьей".

Было что-то в жестоком горе жены этого человека, которое затронуло Лелуша. Это было резкое отличие от величавого жалкого взгляда, который носила его семья, когда они бросили его собственную мать в землю. Резкое и осуждающее отличие от похорон его матери, где он, почти ослепленный собственными слезами горя, наблюдал, как леди Британии вытаскила пузырек с глазными каплями, чтобы вызвать фальшивые слезы в связи с потерей своей величайшей соперницы.

Нет, Тони Капуто действительно любили, и его семья и друзья будут сильно скучать по нему.

Шнайцель вздохнул. "Когда это?"

"Вторник в три". Лелуш ответил немедленно, проведя своего епископа по доске, чтобы поймать Шнайцеля в чеке.

"Канон, карандашом это, ладно?" - сказал Шнайцель, едва поворачивая голову в сторону своего ассистента, который бездельничал на диване в другом конце комнаты, листая журнал. Лелуш научился соглашаться с тем, что между Шнайцелем и Каноном не было секретов, и поэтому пытаться поговорить с братом строго наедине было спорным вопросом.

"Ага." - скучающе сказал Канон, вытаскивая свой КПК и нажав несколько кнопок. "Вторник. Три

часа. Похороны". Он подтвердил, прежде чем сунуть устройство обратно в карман и снова взять журнал.

Лелушу действительно нравился Канон. Вернее, ему нравилось то, что поведение помощника говорило о его брате. Это доказало, что Шнайцель действительно может с кем-то завязать настоящую дружбу. То, что не все - одноразовый инструмент, который можно использовать. Потому что любой, кто так превозносит приказы Шнайцеля, вероятно, никогда больше не найдет работу.

"Знаешь, он не станет первым, кто умрет за тебя". - сказал Шнайцель после нескольких минут молчания, осторожно убирая своего короля подальше от епископа Лелуша.

Лелуш впился взглядом в своего брата. "Значит ли это, что ты попробуешь еще раз?"

Шнайцель покачал головой. "Нет. Но ты принц, Лелуш. Твоя жизнь по своей природе важнее тех, кто тебе служит. Поэтому рано или поздно кто-то другой умрет на твоей службе".

"Нет, если я могу помочь". Лелуш зашипел, его глаза сузились в угрожающем свете. Он не хотел, чтобы кто-нибудь умирал за него. Никогда больше.

Шнайцель умиротворяюще поднял руку. "Я просто говорю, что это то, к чему тебе нужно подготовиться. Ты больше, чем просто человек для людей, которые тебе служат. Ты - символ. Ты - воплощение Империи и те, кто поклялись Служить Империи с радостью сложат за вас свои жизни. Как принцы, мы воплощаем Британию".

Лелуш чуть не рассмеялся. Мысль о том, что он рассматривается как физическое воплощение Империи, была выше нелепости. Он презирал все основополагающие идеалы, на которых была построена Империя. А Империя, в свою очередь, вообще его презирала. Для Шнайцеля это утверждение, несомненно, было правдой. В конце концов, Шнайцель был фаворитом.

Вместо ответа Лелуш двинул ладью, эффективно заманив короля Шнайцеля между своим слоном, ладьей и двумя пешками. "Шах и мат."

Шнайцель не удивился, взглянув на доску. Даже Лелуш не был в восторге от своей первой победы над Шнайцелем. Это было пусто. Бессмысленно. Шнайцель даже не пытался. Нахмурившись, Лелуш снова расставил детали в первоначальном порядке, прежде чем встать.

"Буду признателен, если вы попробуете в следующий раз, Шнайцель. Увидимся во вторник". - спокойно сказал Лелуш, прежде чем повернуться, чтобы уйти.

Он был на полпути к машине, когда у него в кармане завибрировал телефон. Его секретный телефон. Люди не должны были звонить ему по этому телефону, он никогда не должен был чувствовать вибрацию. Он только держал его включенным и с собой, чтобы поддерживать

последнюю линию экстренной связи с Ниной, если что-то пойдет не так.

Он застыл, его сердце забилося у него в горле при этой мысли. Что-то пошло не так с переездом Наннелли? Что могло пойти не так быстро? Он дал ей задание всего несколько дней назад. Кто-то уже узнал о стипендии? Или, что еще хуже, кто-то обнаружил существование Наннелли?

Он поспешно схватил телефон и поднес его к уху, следуя за своим водителем к машине, болезненно сознавая двух охранников, которых Шнайцель поставил у дверей его поместья, которые находились в пределах досягаемости. Он промолчал, надеясь добраться до личных уголков машины, прежде чем ему придется говорить.

- Э... привет? Лелуш?

Лелуш выдохнул, бессознательно задерживая дыхание. "Милли?" - недоверчиво спросил он. Разве он не сказал ей не звонить ему по этому номеру? "Нет, - понял он. Нет, не видел. Он сказал Нине не звонить ему, но не оставил подобные инструкции президенту школьного совета.

"Господи, что ты делаешь, просто дышишь в телефон и вот так жутко?" Она сделала выговор.

"Эээ, прости?" Он сказал, из-за интонации это стало вопросом. Он все еще пытался понять, почему она могла ему звонить. Она знала бы лучше, чем звать его сюда просто для случайного разговора. Он надеялся. "Как дела?"

Милли помедлила на другом конце линии, прежде чем она сразу же выскочила. "Это правда, что прошлой ночью было покушение? Кто-то пытается убить тебя? Боже, Лелуш, ты в порядке? Скажи мне, что это неправда. Я смотрел новости, но никто ничего не сказал об этом. Это неправда, это?"

"Как вы узнали об этом?" - быстро спросил Лелуш. Он потратил много денег, чтобы замять инцидент, и даже прибегал к пустым угрозам. Меньше всего ему было нужно, чтобы люди задавались вопросом, а что же Эдит знает, что может служить основанием для убийства.

"Вы имеете в виду, что это правда!" - завизжала Милли в трубку.

"Как вы узнали об этом, Милли? Это важно". - твердо спросил Лелуш. Он был совершенно растерян. Он не мог понять, зачем кому-то рассказывать его друзьям о покушении в его доме.

"Нина сказала нам. Она следила за вами через полицейские компьютеры. Я действительно не понимаю, как, и я не уверен, что действительно хочу знать, поскольку я почти уверен, что это незаконно. Но в любом случае она наткнулась на отчет об убийце".

Лелуш застонал и потер рукой лоб. Нина была беспечна. Если полиция когда-нибудь обнаружит ее небольшое дополнение к их системе, у нее возникнут серьезные проблемы. "Скажи Нине, чтобы она перестала это делать. Если ее поймают, с моей стороны придется приложить немало усилий, чтобы вытащить ее из этого". Не говоря уже о том, что у него возникнут подозрения относительно того, зачем он ей помогал. Насколько известно большинству людей, они были едва знакомыми. Их просто называли "друзьями", потому что они были в одном клубе последние три года вместе. Он не хотел, чтобы кто-то слишком внимательно следил за этими отношениями, иначе они узнали бы, что Студенческий совет был для него больше похожей на семью, чем императорская семья могла быть когда-либо.

"Да, да, я дам ей знать. Но скажи мне, ты в порядке? Боже, ты, должно быть, так напуган. Ты знаешь, кто пытается тебя убить?" - быстро спросила она.

"Я в порядке, Милли. Убийца даже не преследовал меня. И я уже имел дело и с убийцей, и с его работодателем". Лелуш ответил спокойно, заставляя в голосе скучающую уверенность, чтобы успокоить ее. "Хотя я был бы признателен, если бы ты сохранил все это при себе".

"Что ты имеешь в виду, ты имел дело с ними обоими? Ты знаешь, кто пытается тебя убить, или послать тебе сообщение, или что-то в этом роде?" - потребовала Милли.

Лелуш вздохнул. "Милли, пожалуйста, проблема решена. Я бы не стал вдаваться в подробности. Давай поговорим о другом".

"Отлично." - быстро сказала Милли, прежде чем перейти к следующему вопросу. "Вы выходите замуж? Это все устроено, верно?"

Лелуш закатил глаза, хотя знал, что она этого не видит. "Да по обоим причинам. Вы не думали, что я так хотел связать себя узами брака, что я убежал и сделал предложение первой девушке, которую встретил, не так ли?" - саркастически спросил он, прежде чем отрезвлять. "... Ребята, вы думаете, что это странно? Я имею в виду, мне только исполнилось семнадцать".

Милли усмехнулась: "Мы знаем, что у тебя, вероятно, не было выбора. Так что нет, мы не думаем, что ты странный. Хотя Ширли, вероятно, переживает это тяжелее всех. Она продолжает пытаться убедить остальных, в первую очередь меня, - помочь ей организовать спасение".

Лелуш усмехнулся. "Что ж, если она сможет это осуществить, я бы не стал возражать".

- Значит, вам не нравится прекрасная леди Чепмен? - быстро спросила Милли, жаждущая сплетен.

"Нет, но не повторяй этого". Лелуш ответил. "Честно говоря, я думаю, что она немного стерва. Вчера мы поссорились, и с тех пор она избегает меня. Не то, чтобы я действительно жалею. Если она хочет провести весь день за покупками, ей более чем рады. по крайней мере, это

удерживает ее подальше от моих волос и не дает ей терроризировать персонал ".

"О, похоже на горстку. И не беспокойтесь о том, что я расскажу об этом кому-либо. Насколько я понимаю, вы больше не материал для сплетен. Я знаю, что сейчас это доставит вам много неприятностей".

"Спасибо, Милли". Он вздохнул с облегчением.

"Не говори об этом". Она сказала весело. "Итак ... когда свадьба?"

"Конец месяца." Он раздраженно пробормотал.

"Так быстро? Вау, они, должно быть, действительно торопятся выдать тебя замуж". - удивленно сказала она.

"По всей видимости."

"Итак, когда я могу ожидать своего приглашения?" - спросила она, не обращая внимания на его угрюмое настроение.

"Хм?" - в замешательстве спросил Лелуш. "Вы имеете в виду, что хотите быть там?"

"Ага! Лелуш! Ты ведь не думал о том, чтобы не приглашать меня? Разве я не твой самый старый друг? Почему я должна пропустить твою свадьбу? Кроме того, я давно не виделась. Ты совершенно несчастен. Не с прошлого Рождества, когда я надела на тебя этот костюм эльфа из спандекса и заставила спеть "Веселого старого святого Николая" перед всей школой".

Лелуш заколебался. Было бы безопаснее отклонить этот запрос. Безопаснее держать свою старую жизнь и новую жизнь строго отдельно - или настолько отдельно, насколько он мог бы, по крайней мере, используя Нину в качестве агента в Зоне Одиннадцать. Кроме того, она будет единственным простолудином, приглашенным на свадьбу, кроме него самого. На каждом шагу ее встречали только презрением. Но это была также его свадьба, и он подумал, что, возможно, в этот день заслуживает того, чтобы проявить себя эгоистично и иметь хоть кого-нибудь, кто знал бы его и понимал, что он думает о решениях, которые принимаются за него. Кто-то, кроме Шнайцеля, который все еще стоял на рубеже между союзником и врагом. Возможно, несколько человек.

Когда-то он мог быть эгоистом, не так ли? Он заслужил, чтобы на его свадьбе были люди, которым он действительно безразличен, не так ли? Люди, которые будут праздновать / оплакивать его свадьбу с ним с должной торжественностью, необходимой для данного случая.

И он должен был представить себя скромным принцем-простолудином, по словам Шнайцеля, не так ли? "Было бы не очень скромно, если бы он не пригласил своих школьных друзей на

свою свадьбу", - пояснил он. Было бы сочтено высокомерным, если бы он бросил своих старых друзей, очевидно, не задумываясь, как только он вернется на родину.

"Конечно, нет. Я прослежу, чтобы мой помощник отправил вам и другим ваши приглашения завтра". Он ответил прежде, чем его разум смог дать ему еще какие-то минусы, чтобы противостоять плюсам, которые он только что мысленно перечислил. Для его друзей не было реальной опасности, если они пришли на его свадьбу. Им просто придется мириться с общей неприязнью и презрением со стороны остальной части его семьи. "Я ... с нетерпением жду встречи с вами, ребята".

"Очень благоразумно, Лелуш. Ты бы не захотел увидеть то, что я запланировала для тебя, если бы сказал, что меня не пригласили". - угрожающе сказала она. Каким-то образом, несмотря на то, что он знал, что Милли никогда не доставит ему большего, чем серьезное смущение, он почувствовал знакомый холодок, пробегающий по его спине. Милли могла абсолютно кого-нибудь опустошить, если бы достаточно сильно постаралась. В любой день он предпочел бы убить Милли. По крайней мере, он сможет атаковать убийц в ответ. Он нервно усмехнулся и выглянул в окно, понимая, что они приближались к вилле Аирис.

"Милли, насчет этого номера. Я был бы очень признателен, если бы ты не позвонила ему снова. Я дам тебе номер моего другого телефона, если тебе нужно позвонить мне. Но я стараюсь, чтобы этот секрет от определенных людей. Мне повезло, что вы не позвонили даже пятью минутами раньше, иначе у меня были б проблемы ". Он объяснил, пытаясь не думать обо всех проблемах, которые это могло бы создать, если бы Шнайцель понял, что у Лелуша был личный телефон, на котором даже у него не было номера - что были люди, с которыми он контактировал, и которых он не хотел. знать о. Секреты только вызывали подозрения, а его союз с братом был уже достаточно шатким, и между ними не было посажено еще больше семян подозрения.

"О, мне очень жаль. Я не знала. Это тот номер, по которому ты звонил мне раньше". Милли в ужасе извинилась. Он сказал ей не беспокоиться об этом и дал ей другой номер телефона. К настоящему времени он достаточно доверял Эдит, чтобы не беспокоиться о том, что она раскроет личности тех, с кем он разговаривал по телефону.

При мысли об их последнем разговоре возникла еще одна проблема. "Милли являются те девушки проблемы, лучше сейчас? Я могу послать кого -нибудь , чтобы защитить вас , если вы хотите."

Милли засмеялась. "Не беспокойся об этом, Лелуш. Твое маленькое объявление о помолвке решило все это. Вместо этого они осудили тебя и пожалели меня как презренную женщину. Ты должен увидеть доску для записей на двери моей комнаты в общежитии =".

"Значит, у тебя больше не было проблем?"

"Нет. Я сейчас в ясности, хотя думаю, что рейтинг твоих фанаток, возможно, значительно упал за последние двадцать четыре часа". Она весело ответила.

"Хорошо. Я надеялся, что они скоро поправятся. Мне нужно идти. Мы вернулись в дом. Скоро увидимся, Милли".

"Конечно, Лелуш. Я рада, что с тобой все в порядке, что с... ты знаешь... все". Она сказала неловко. "Увидимся скоро."

Милли и Лелуш

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/55554/1442574>